

РОМАНЫ М. КУЗМИНА КАК ЖАНРОВО-ЦИКЛИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Осипова О.И.

Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный институт (690087, Приморский край, г. Владивосток, ул. Луговая, 52Б), e-mail: fa-fa@mail.ru

В статье рассматривается возможность объединения двух романов М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» и «Подвиги Великого Александра» в циклическое единство. Основанием такого подхода следует считать замысел автора о создании цикла биографий великих людей. Поэтому в статье определяются идейно-композиционная близость произведений, единство проблематики, родство хронотопа, общность конфликта и особенности жанровой специфики биографии, созданной М. Кузминым. Кроме того, отмечается, что особенности повествовательной структуры романов приводят к модификации указанного жанра в творчестве М. Кузмина. В статье также оценивается опыт читательского восприятия романов в качестве цикла, при таком условии произведение осваивается как целостное системное единство во всем многообразии его исторического и художественного контекста.

Ключевые слова: биография, жанр, свободный цикл, композиция, конфликт, хронотоп, повествователь.

NOVELS M. KUZMIN'S AS A GENRE-CYCLICAL UNITY

Osipova O.I.

Far Eastern State Technical Fisheries University, 52B, Lugovaya St., Vladivostok, Primorsky Krai, 690087

The article considers the possibility of combining two novels M. Kuzmin's "Wonderful life of Joseph Balsamo, count Cagliostro" and "Exploits of Alexander the Great" in cyclic unity. The basis of this approach should be considered the author's idea about the creation of a series of biographies of great people. So are determined in the article ideological composition proximity works, unity perspective, the relationship with the chronotope, a community of conflict and features genre biography, created by M. Kuzmin. In addition, it is noted that features of narrative structure novels lead to modification of the specified genre in the works of M. Kuzmin. The article also evaluates the experience of the reader's perception of the novels as a cycle, subject to that the work is being developed as an integrated system unity in the diversity of its historical and artistic context.

Keywords: biography, genre, free loop, composition, conflict, chronotope, narrator.

Идея художественного многокомпонентного единства, понимаемая как один из способов расширения жанрового потенциала малой формы (как в прозе, так и в лирике), оказалась одной из наиболее органичных для воплощения мировоззренческих установок писателей рубежа веков. В основе цикла как жанрового образования в качестве ядерного компонента, инспирированного авторской установкой, будет не организация эпического «линейного» текста, построенного на логике развертывания причинно-следственных связей, а создание целостного текста, который, несмотря на фрагментарность, максимально полно и многосторонне раскроет авторскую концепцию действительности. Межтекстовые связи, которые имеют в своей основе повтор – мотивов, образов, тем, конфликтов, сюжетных линий – приобретают в рамках всего цикла особую значимость и могут рассматриваться как маркеры искомого добавочного смысла, который возникает, когда появляются взаимоотношения между текстом и текстом, помещенными в контекст цикла.

Цель исследования в рассмотрении биографических романов М. Кузмина с точки зрения возможности объединения их в цикл, что позволит говорить о некоем единстве художественного метода автора при создании произведений данного жанра, а также выявить

такие позиции текста, которые могут быть актуализированы только в рамках цикла.

Материал и методы исследования

Историко-биографический жанр в творчестве М. Кузмина представлен романами «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» и «Подвиги Великого Александра». Эти произведения ориентированы не столько на классическую биографию, сколько на сложившуюся в среде модернизма литературную биографию. Так или иначе, в своих биографических романах Кузмин отдалился от традиционных задач биографического повествования, но передал свою точку зрения на предназначение человека в этом мире. На наш взгляд, именно этот поставленный художником вопрос – ключ к проблематике обоих произведений. Помимо общности проблематики эти два произведения роднит и многие другие аспекты поэтики. Их анализ позволяет выявить существенные циклообразующие факторы, придающие рассматриваемым романам характер художественного единства. Так, нам представляется возможным объединять эти произведения в «неавторский», или, в терминологии Е. Хаева, «свободный» цикл, то есть не выстроенный автором и имеющий концентрическую композицию, последнее означает, что выделяются ключевые тексты, образующие семантический центр и соотносящиеся с текстами периферийными [5, с. 57].

Мы говорим лишь о тенденции к циклообразованию у Кузмина потому, что эти два произведения писателем объединены в цикл не были, хотя цикличность была весьма продуктивным методом для творческого мировоззрения писателя. Примером тому могут служить его стихотворные сборники-циклы, его стремление выпускать произведения в прозе книгами с единым авторским названием (например, «Первая книга рассказов», вышедшая в 1910 г., «Вторая книга рассказов» и т.д.), а также неосуществленное желание создать цикл биографий великих людей, первым романом которого стала «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо...». Касательно «Подвигов Великого Александра» следует оговорить, что они входят во «Вторую книгу рассказов» и, как в своем исследовании убедительно доказала О.Г. Егорова, вступают в циклические отношения с двумя другими произведениями книги, образуя тем самым первичный авторский цикл [1, с. 87-91].

Тем не менее эти романы парадигматически соотносятся и друг с другом. Прежде всего, можно отметить композиционную общность исследуемых произведений. Во-первых, в обоих произведениях представлена мозаичная композиция. Жизнь героев и жизнь эпохи показываются лишь в самых существенных моментах. Причем право «выборки» принадлежит сугубо повествователю (например, совершенно непринципиальными для него являются завоевательные походы Александра). Текст, таким образом, составляет ряд отдельных сюжетов (мозаичность предполагает наличие лакун между частями), связанных единым героем.

Во-вторых, биография предполагает отправной точкой повествования рассказ о рождении героя. И то и другое произведения содержат сведения о семье новорожденного и о первых минутах их жизни. Единственно, «Повесть о Великом Александре» начинается со своеобразного пролога, содержащего сведения об отце героя и о его зачатии от бога, эксплицирующем соответствующий мифологический мотив избранности героя. Мотив в повествовании иронически переосмысливается, потому что под видом бога к матери Александра является самозванец Нектанеб. Столь же иронически переосмысливается мотив избранности героя в «Чудесной жизни Иосифа Бальзамо...». Сам повествователь дает возможность восприятия такой двойственности: например, мать новорожденного Иосифа предполагает величие его судьбы, прора ему большую судьбу и карьеру, называет его будущим графом, но ее муж, Бальзамо, «хотел было послать за доктором, думая, что у жены начинается бред...» [3].

В-третьих, дальнейшее повествование о судьбе героев композиционно делится на две части. Первая посвящена становлению героев и завоеванию ими славы. Александр покоряет страны. События, описываемые в данной части, приближены к исторической правде, и хотя фактографичность не принципиальна для повествователя, тем не менее события жизни Александра, его победы можно соотнести с реалиями прошлого, что, так или иначе, формирует историчность повествования. Граф Калиостро также стремится к вершине популярности. Где бы он ни находился, он получает всеобщее признание. Слава его в зените.

В первой части обоих романов мотив пути (как воплощения судьбы героев) предстает в модификации пути вверх, связанного с обретением силы, известности, со стремлением Калиостро познать возможности духа и способы его «регенерации», с построением Александром великой империи. В заключительной части странствия героев можно охарактеризовать как путь вниз: в пространственном отношении – это возвращение в Рим (откуда и началось путешествие) для Калиостро, в родной город для Александра, в духовном плане – утрата силы, надежды и скорая смерть.

В-четвертых, важно отметить структурную связь обоих произведений с притчей о блудном сыне, построенной на композиционном принципе «уход-возвращение». Причем, исследователями при анализе библейской притчи указывается, что «уход – не только проявление греховности падшего существа, но и свидетельство свободы, неразлучной с человеческой природой. Уход – не только дорога, уводящая от Отца, но и путь к себе, поиски своего места в мироздании» [4, с. 185]. Сюжетно последние две части кузминской Александрии укладываются в мифопоэтическую схему притчи: уход героя из завоеванного им Вавилона после коронации и свадьбы с Роксаной, в момент, когда он достиг верха «человеческого счастья» [2], скитание героя с целью изменить судьбу, возвращение и

принятие судьбы (в притче – покаяние). Важно отметить, что подобные события были предсказаны пророчеством Антифона еще до рождения Александра: «...обойдет весь мир и, вернувшись домой, умрет молодым» [2]. Так и происходит. После «ухода» Александра из Вавилона актуализируются лексемы, связанные с блужданием, путешествием, походом, странствованием. Но одновременно столь же отчетливо звучат лексемы возвращения. Эти лексемы эксплицируют антитетичные мотивы странствования – возвращения. Например, в главе «Странствование по пустыне» Александр хочет видеть край земли, отправившись туда морем, но принужден вернуться: «Наконец туман так сгустился, что казался порфировой стеною, и король принужден был вернуться к берегу. Долго стоял Александр у туманного моря и потом, вздохнув, направился в глубь страны» [2]. Голоса приказывают вернуться, когда великий царь покоряет воздух (глава «Покорение воздуха»).

В «Чудесной жизни Иосифа Бальзамо...» также эксплицированы мотивы ухода – возвращения, усиленные мотивом «бездомности» героя. Странствия Калиостро имеют циклический характер: Рим – Лондон – курляндский город Митава – Петербург – Варшава – Страсбург – Лион – Париж – Лондон – Рим. В Риме начинается его деятельность и трагически завершается.

Цикличность привносит мотив пустого кружения. Мотив получает пространственное воплощение, например: пространство городов и замкнутое пространство домов, в которых живет Калиостро (прибывая в новый город, Калиостро располагается у друзей либо устраивает свой дом, со временем все более богатый). Куда бы ни отправился Александр в своем путешествии, он неизбежно получает приказ-предупреждение вернуться. Например, в предпоследней главе «Горгона. Лусово пристанище» предупреждения звучат дважды: «Жрец-эфиоп в белой одежде вышел с черным посохом выше своего роста и, протянув смуглую руку к царю, воскликнул: «Царь, ты должен вернуться! Сюда еще никто не доходил, – ты первый и ты последний. Спешి в Вавилон, время близко; путь тебе через Лусово пристанище и новую область мрака» – или: «Безмолвие царило в покое; царь долго стоял молча, смущенный неясным страхом. Наконец он хотел взять одну из рубиновых лампад, чтобы посмотреть спящего, но с купола голубь человеческим голосом пропел: “Оставь, царь Александр, в покое покойных и спеши в Вавилон: время близко!”» [2]. Циклический возврат приводит к отрицанию самой идеи движения и обуславливает замкнутость земного мира, невозможность прозрения и выхода за его границы (в «Подвигах Великого Александра» эта идея реализуется буквально в образе «костяного неба» как символе непроницаемости грани).

Как видим, библейская притча о блудном сыне, хотя и приобретает некоторые композиционные изменения, в целом становится неотъемлемой частью идейно-художественного мира обоих произведений.

В романах также можно обнаружить единство принципов изображения времени. Особенностью данных текстов является то, что, несмотря на возможность ввода исторического контекста (вписать личность в исторический контекст – задача исторического романа и классического биографического романа нового времени), повествователь ставит в центр только «личное» время героя. Поэтому историческая реальность воссоздается в романах вскользь, она не принципиальна: герой не вписывается повествователем в историческую картину эпохи, хотя и упоминаются даты его жизни, потому, например, Екатерина Вторая выведена в романе «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо» как частное лицо постольку, поскольку встретила на жизненном пути героя. Окружающие Александра реалии скорее обращают нас ко времени мифологическому, нежели реальному. Приближен к реальному хронотоп первой части «Подвигов», путешествие Александра во второй части романа происходит в хронотопе космогонического мифа.

И в том и в другом романе стихия изображаемого времени измеряется событиями жизни героев. Это обуславливает дискретность потока времени, возможность членения его на отрезки, когда повествователь выбирает для рассказа наиболее значимые события жизни своего героя, отмечая год, время года, а иногда и точную дату: «Калиостро посетил Бордо и осенью 1784 года приехал в Лион», «Верх мирной славы графа произошел в среду 24 ноября 1784 года, когда на собрании братьев Калиостро вызвал тень недавно скончавшегося Проста де Ронэ...» [3]. В «Подвигах» точные даты вообще не встречаются. На наш взгляд, это обусловлено доминированием мифологического времени в описании жизни героя.

В целом исследование реализации категории времени в биографическом нарративе обоих романов показывает, что указание на время отмечает основные вехи жизненного пути героя. С точки зрения языкового воплощения эта категория реализуется преимущественно на лексическом, морфологическом языковых уровнях с помощью временных форм глагола, указательных местоимений, числительных, существительных с семантикой темпоральности (год, неделя, месяц, времена года...). Но происходит только фиксация личного времени героя, исторические события, не затрагивающие жизнь и судьбу героев, не упоминаются.

Пророчества, присутствующие в каждом из текстов, актуализируют житийный канон, центральным компонентом которого является особый тип героя. Это избранная личность, призванная совершать величайшие поступки на благо людей и во славу Высших сил. Многообразные пророчества включены в «Подвиги Великого Александра». Их назначение – в сжатом, концентрированном виде передать перипетии судьбы героя, а также определить неизбежность его попыток обойти предначертанное. В «Чудесной жизни...» пророчеств не так много, все они повествуют о великом будущем героя, а затем о закате его карьеры. Но количественный недостаток пророческих текстов в «Чудесной жизни» (в сравнении с

«Подвигами...») восполняется наличием онирических форм, ключевых для сюжетной линии романа. Выделяются в романах и такие житийные категории, как «дар» и «предназначение», определяющие судьбу героев. Традиция жития, с его идеей внутреннего преображения, связана у Кузмина с художественным осмыслением понятия пути.

Важным связующим компонентом цикла является единство принципов повествования. В исследованиях, посвященных истории и теории биографического дискурса, проблема повествователя является одной из ключевых, поскольку именно от его позиции зависит изображение исторической личности. При изображении героев в случае М. Кузмина повествователь претендует на абсолютное знание, как если бы фигуры героев были его собственным вымыслом. Свидетельств тому не так много, но тем не менее повествователь может проникнуть в сферу сознания героя, «подслушать» его монолог, показать читателю его душевные переживания, например, в «Чудесной жизни...»: «Войдя в свой кабинет, граф почувствовал, что в комнате кто-то находится»; «Калиостро долго стоял смущенный, растроганный, не замечая, как по толстым щекам его текут слезы» [3]. В «Подвигах...» повествователь при описании путешествия героя совершенно уходит от исторической правды. Путешествие обрастает фантастическими подробностями, оказывается, что мир героя – это не исторический мир строительства империи Александра Македонского, а мир, построенный по законам мифа. Именно так главным принципом повествования становится усиление «личностного» начала биографии. Именно это личное отношение Кузмина к биографии обусловило принципы изображения героев. Главным среди них будет стремление не изобразить исторически достоверные факты, а последовательно передать свою эстетическую позицию, свои ценностные представления о человеке, страдавшем и не хотевшем умирать. С той лишь разницей, что имя этого человека попало в историю. Этим определен отход от изображения их деяний.

Выводы

На наш взгляд, в изображении исторической личности М. Кузмин ориентировался на проблемы, стоявшие перед ним и перед его современниками. Автором двигало стремление осмыслить историческую личность как носителя качеств, которые влияют на выбор жизненного пути, которые формируют неповторимость индивида. Именно поэтому творческая интенция автора была сосредоточена на том, что воздействует на судьбу человека, что определяет его судьбу. Нам предложена попытка уловления того, чем мотивированы поступки человека, на что может быть направлена его жизненная энергия, и того, какая «роковая предопределенность» довлеет над ним.

В целом биографическое повествование обоих романов ориентировано на легенды о графе Калиостро и об Александре. В легенде достоверное смешано с недостоверным и

сомнительным. Так на глазах читателей возникает творимая легенда о людях, когда-то живших, оставивших яркий свет в истории, личность которых неясна и окутана скорее догадками, чем реальными свидетельствами. Созданные Кузминым биографии необычны, ассоциативны, нетрадиционны и, наконец, полемичны. В то же время биографии Александра и Калиостро, созданные М. Кузминым, значимы как отражение истории жанра жизнеописания, поэтика которого во многом обусловлена рубежом веков, когда происходят ломка стереотипов и смена нравственных парадигм.

Таким образом, оба романа обнаруживают близость по многим формальным и содержательным признакам. Близость такого рода может существовать только в циклическом единстве. Читательское восприятие двух романов будет полнее при условии знакомства с обоими текстами. Это позволит воспринимающему субъекту оценить новаторство художественного метода М. Кузмина. Читатель, знакомый с историей обеих выдающихся личностей, может оценить в романах не столько историческую достоверность, так как описаний того, как это было, достаточно, и Кузмин не скрывал своей ориентированности на первоисточники, а увидеть точку зрения на то, как это могло бы быть.

Список литературы

1. Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград: АГУ, 2004. – 496 с.
2. Кузмин М. Подвиги Великого Александра // Кузмин М.А. Стихи и проза. – М.: Современник, 1989. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0264.shtml. (дата обращения: 9.07. 2014).
3. Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро // Кузмин М.А. Стихи и проза. – М.: Современник, 1989. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0284.shtml. (дата обращения: 4.07.2014).
4. Матвеевская Н.Г. История блудного сына как метасюжет лирики В. Брюсова // Вестник ННГУ. – 2013. – № 1(2). – С. 185-189.
5. Хаев Е. Проблема композиции лирического цикла // Природа художественного целого и литературный процесс. – Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1980. – С. 56-68.

Рецензенты:

Кихней Л.Г., д. фил. н., профессор кафедры истории журналистики и литературы ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, г. Москва.

Темиршина О.Р., д.фил.н., профессор факультета Журналистики Института международного

права и экономики им. А.С. Грибоедова, г. Москва.